

УДК 316.6

СОЦИОСЕМИОТИКА М. ФУКО: ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шуталева Анна Владимировна,

кандидат философских наук,
доцент кафедры теории и истории политической науки,
Институт социально-политических наук,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу социо семиотической теории Мишеля Фуко, которая позволяет прояснить феноменальный горизонт в социо-политическом пространстве. Социальная семиотика рассматривается как грамматика отдельной знаковой системы, описывающая область конкретного коммуникативного феномена, управляемого системой значений.

В концепции М. Фуко Власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает дисциплинированное тело, дисциплинированного человека, дисциплинированное сознание. Средства принуждения выявляют тех, на кого они воздействуют, но проявляют и само место Власти. При этом Власть, функционируя как призывной механизм, притягивает и извлекает как норму, так и отклонения, за которыми неустанно следит. Определенные способы говорения, проговаривания, определенные конструкции знаков и символов, оформляющие социальное пространство, выявляют пространство проявления Власти.

Посредством использования техники знаков, пронизывающей все социальное пространство, Власть экономично и эффективно распространяется по всему телу общества, кодифицирует все возможное поведение, а значит, уменьшает неопределенную область всех возможных поступков. Все человеческие жесты и действия могут быть интерпретированы в качестве смысловых единиц, которые возможно рационально объяснить и систематизировать.

Ключевые слова:

социосемиотика, власть, социо-политическое пространство, средства массовых коммуникаций, языковая игра, технология, стратегия власти.

Для современной российской действительности характерно то, что все социально-политическое пространство рассматривается как постоянно производимое и воспроизводимое совмещение «мест», задающее контекст восприятия и принятия социальных норм в контексте дискурса норма-желание, того «желаемого», которое оформляет саму плоть человека, оставляя на нем свои метки, тем самым,

отводит определенное место в социуме каждому человеку. Поэтому в исследовании общества и его составляющих в качестве семиотических объектов (знаковых систем) предпочтительнее в множестве определений семиотики оказываются те, которые фиксируют ее способность обнаруживать присутствие идеологии в тексте, наличие в нем знаков Власти. Ибо «игра в значения» – это игра с Властью, она пронизывают

все «клеточки» социальной реальности, ставит вопросы и оформляет дискурсы болезни, смерти, сумасшествия, наказания, сексуальности, обретая доступ к телу индивида через обращение к его «душе» оформляет телесность и задает норму самопроявления и самопрезентации индивида в данном социальном контексте. В силу этого, актуальным является исследование социального пространства как результата реализации властных стратегий, которые возможно обнаружить посредством семиотического анализа механизмов и форм манипуляции сознанием, посредством вербальных и визуальных репрезентаций через выявление социального бессознательного в феноменах означивания.

В ряде работ, посвященных М. Фуко, обращается внимание на то, что в его «политической анатомии» социокультурные феномены рассматриваются сквозь призму властных отношений, что позволяет увидеть целостность организации общественно-политической жизни [Зекрист Р.И., 2012; Ильин А.Н., 2011; Меньшиков В.В., 2004]. Согласно М. Фуко, Власть пронизывает все «клеточки» социальной реальности, именно она ставит вопросы и оформляет дискурсы болезни, смерти, сумасшествия, наказания, сексуальности, обретая доступ не только к телу индивида, но к его «душе», оформляя саму плоть человека, оставляя на нем свои метки, тем самым, отводя определенное место в социуме каждому человеку. Это дает возможность осуществления дискурса «знания-власти» в познании тела, особого знания тела, особой технологии захвата, через которую Власть порождает Реальность – Реальность, подчиненную логике Нормы-Желания, проявляющуюся прежде всего через Язык, через оформление особых дискурсивных практик не только говорения, но и самого тела. Поэтому социальное пространство рассматривается прежде всего как результат реализации властных стратегий, кодификации визуальных и вербальных практик, механизмов обозначения социального бессознательного.

М. Фуко под словом «Власть» понимает «прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации... стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенно-

сти» [Фуко М., 1996, с. 192]. Власть предстает как политическая экономия, формирующая решетку наблюдения – наблюдения за всеми состояниями индивида, она же и предписывает ему правильные действия и места нахождения. М. Фуко отмечает, что при этом Власть функционирует как призывной механизм, притягивая и извлекая те странности, за которыми неустанно следит. Власть преследует удовольствие, но удовольствие распространяется на преследующую его Власть.

Власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает дисциплинированное тело, дисциплинированное человека, дисциплинированное сознание. Разнообразные средства принуждения, выявляя тех, на кого они воздействуют, проявляют и само место Власти. Власть «закрепляет удовольствие, которое она только что выгнала из его логава» [Фуко М., 1996 с. 144]. Тем самым она, производя норму, оформляет ее за счет не-нормы, поскольку Власть нуждается в ином по отношению к норме. Власть положительно разрешает проблему сосуществования различных способов жизни и мироинтерпретаций, она допускает существование иного – и в этом смысле она толерантна. С латинского языка термин «*tolerantia*» означает «терпение», «терпимость» и является связанным с глаголом «*tolerare*» – «нести», «держатъ», «терпеть». В Античности подчеркивался тот момент, что *tolerantia* – это активное действие, выдержка, и относится более к силам души, нежели тела. Поэтому вопрос о толерантности, начиная с Античности, ставится как тема терпимости – терпимости по отношению к *другому*, принятие *другого*, его инаковости по отношению к себе.

В современном понимании «толерантность» является созвучным термину «плюрализм», который основывается на уважении автономии другого и допущении множества способов его легитимации. В основании «плюрализма» лежит установка, согласно которой на каждый вопрос существует несколько взаимоисключающих и противоборствующих ответов. Из этого положения выводятся правила и способы разумного разрешения теоретико-познавательных конфликтов между различными интерпретациями мира и пути решения практических споров в сферах политики, экономики и религии, ибо термин

толерантность «означает деятельное допущение существования другого даже при наличии возможности оказать то или иное воздействие на это существование» [Хомяков М. Б., 2000 с. 105].

Феномен толерантности как юридическое явление получает нормативное измерение и является признанием существования множества познавательных подходов и множества символических систем в структуре общества, закрепленным на государственном уровне. Но, формируя места, саму пространственность, Власть оформляет «здесь» и «сейчас» повседневной жизни, образуя фокус внимания и видения сознания человека. В языке повседневности, массовой культуры, быта («энкратическом» языке Ролана Барта) мы не замечаем власти в его способности классифицировать и подавлять за счет его расплывчатости и нечеткости, «природности» и всепроникаемости – всему тому, что дает возможность воплощения полей Власть не только в государственных институтах, в формировании закона, но и в формах *социального господства* над той реальностью, которая для каждого человека существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность – реальностью *par excellence, повседневной реальностью*, которая по своей структуре может быть определена как *текстовая*. С латинского языка слово *textum* – переводится как «связь», «ткань», «сплетение». Текст может быть представлен как дискурсивное единство, множественность смысловой структуры которого способствует порождению различных смыслов.

Толкование понятия «текст» предполагает его рассмотрение не только как письменного источника, но как особой знаковой системы, определяющей контекст совместности между людьми, «место», а, значит, оформляющей человека, задавая определенную практику восприятия себя самого в социальном пространстве, – оформляющая социокультурную идентичность. «Место» предстает не только в рамках пространственных характеристик, обладающих определенной метрикой, но как то, что может быть интерпретировано как открытый горизонт, полагающий удвоение, где наблюдатель помещается одновременно и внутри, и вне поля наблюдения, выступая как совместность, собиравание *я-другой*.

Представая как intersубъективный мир, мир, который я разделяю с другими людьми, Власть в повседневности задает определенную практику восприятия другого как тип и такую ситуацию взаимодействия с ним, в которой прочтение меток и следов, оставленных Властью, задает логику со-в-местности, то есть логику некоторого пространства, которое понимается особым образом: Власть вводит человека в однородное, прозрачное пространство, в силу того, что оно наполнено определенными смыслами, символическими по своему характеру проявления, отсылающими к самой Власть. Власть вездесуща, «потому что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой» [Фуко М., 1996, с. 193]. Она повсюду и отовсюду исходит.

Осознание «внешней реальности» требует от человека убедиться в собственной замкнутости, в том, чтобы эта замкнутость длилась, несмотря на то, что узнается замкнутость уже разрушенная. Фигура *другого* предстает как способ присутствия в мире *я*, как горизонт и его желаний, и его тела. Рефлексия относительно себя вызывается, в первую очередь тем или иным отношением другого человека, и является «зеркальной» реакцией по отношению ко мне этого другого, диалогом, процессом со-творчества – совместного творения самих себя в мире общения. Субъекты диалога находятся в ситуации взаимопроникновения, но через *другого я* проникает в себя – это ситуация двух наведенных друг на друга зеркал (М. М. Бахтин): познание другого ведет за собой познание себя и, наоборот, в себе мы видим другого. *Я* выступает как *я-другой*, как диалог себя и другого. Само творение может быть только творением *другого*, письмом, которое не определено системой общественных отношений как судьба, анатомия, как застывший текст с неизменяемыми смыслами: *я* само является как воплощение *другого*, текстов, мнимая субъективность и недостижимая завершенность.

Феноменальный горизонт структуры *я-другой* предполагает его рассмотрение в контексте раскрытия понятия субъектность, которое, не отсылая к субъект-объектному отношению классических интерпретаций, но предполагает выявление «субъективности» в контексте гносеологических оценок: субъектность интерпре-

тируется как особое отношение индивида к самому себе, представляющее как единство личности и индивидуальности, как результат интеграции ценностно-смысловой сферы человека.

Нет ничего существующего вне текста (Р. Барт), сам *мир* предстает как текст. Власть аккумулируется в наитончайших механизмах социального обмена, подчиненных языковой деятельности, ибо сама языковая деятельность, являясь объектом, в котором от начала времен осуществляется Власть, как отмечает Р. Барт, подобна законодательной деятельности, где язык является ее кодом [Барт Р., 1994, с. 548]. Язык проявляется как топос Власти, ибо как только «переходит в акт говорения, он немедленно оказывается на службе у власти. В нем с неотвратимостью возникают два полюса: полюс авторитарного утверждения и полюс стадной тяги к повторению» [Барт Р., 1994, с. 549]. Господствует состояние «лицом-к-лицу», ситуация близости, единство взаимодействия, где каждый участник рассматривается в контексте «считываемой» позиции, где «действия, как и книги, являются произведениями, открытыми множеству читателей» [Рикёр П., 1995, с. 18]. Осуществляя универсальный контроль, Власть постоянно разделяет индивидов по принципу «нормальное и ненормальное». Существенным в определении социальной нормы является то, что они представляют собой повторяющиеся и устойчивые общественные связи, в которых фиксируется потребность социальных систем в саморегуляции процесса деятельности людей по обмену материальными и духовными благами.

Норма относится не только к проявлению в сфере общественного, она контролирует и сферу интимного, она не только отмечает, она же и диктует, задавая контекст проявления и говорения, тем самым она определяет онтологические основания структуры *я-другой*, возможность осуществления человека в обществе. Захватывая сознание человека на уровне семантики, на уровне языка, Власть определяет границы его мира ибо «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн Л., 1994, с. 56]. Знаки Власти надписываются на теле человека, на теле его сознания, на теле его Желания, задавая норму через простроенный определенным образом дискурс, скрывая свою власть, но, вместе с тем,

входя в глубинный слой человеческой психики. Через конфигурации и позиции тел, подчиняющихся технологии размещения, удваивающей пространство, создается мир Симуляции, прозрачный мир, который полностью выражает властные тактики и стратегии.

Человек, подчиненный власти желания, теряет само реальное. Гиперреальность – это мир абсолютной, идеальной подделки, мир, в котором технология делает «реальность» лучше, чем природа и история, ибо реальность повседневности не так привлекательна и безукоризненна. Фантазмы, образы, симуляции – это мир удвоения, который не произведен от Бытия. Мегаметафора Диснейленда (как и миры виртуальной реальности) предстает как аллегория всего общества потребления, место тотального наблюдения, пассивного подчинения желанию, где активность посетителей переплетается с действиями роботов, «живущих» в этом парке.

Власть закрепляет желание. Желание, как и болезнь, которая прояснялась, проявлялась в теле под взглядом врача, становилось желанием, обретало свое лицо, под взглядом Власти, ибо «Лицо является лицом, только встречаясь с другим лицом к лицу» [Деррида Ж., 2000, с. 152]. Желание не могла стать желанием без этого взгляда. Поэтому, церемонии, знаки и ритуалы, через которые происходило «удвоение тела» суверена, проявление избытка его тела, становятся бесполезны. Меняется семиотика механики Власти – она уже не то, что «удваивает» тело, является через конкретного носителя, и не то, что наказывает, контролирует и определяет место человека через клеймение его тела, но то, что проникает в самого человека, присутствует в нем повсюду, становится его внутренним и активным принципом, его особой природой. М. Фуко показывает, как Власть создает новую душу. Если человек не кодифицируется в соответствии с социальной нормой как желающий, то он попадает в место забвения, как и действующий не в соответствии с нормой для осуществления «своего» желания, или тот, кто не подходит под определение нормы – безумный.

Слово, присутствующее в сознании, – это след *другого*, поскольку неведомо, кто говорит, оно является бессознательным, в котором слышит *других* и подчиняюсь особому говоре-

нию. Человек оказывается втянут в языковую игру, которая Л. Витгенштейном определена как «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [Витгенштейн Л., 1994, с. 83]. На этом основании «говорить на языке» означает принятие особой формы жизни, в данном контексте существующей в логике желания и забвения.

М. Фуко описывая историю Безумия, не историю психиатрии, а жизненность самого Безумия до захвата его знанием, при этом он удерживается на пределе – пределе уничтожения и обличения традиции, живущей в различении и отчуждении, и, одновременно, выражения собственных текстов в законе сознательного различия, в письме, в трансляции смыслов на языке объективации.

Весь европейский язык определяется М. Фуко в виде захвата и объективации Безумия. Психиатрия – это лишь один из посланцев Порядка, один среди многих. У Разума и Безумия классической эпохи некогда был единый корень, они сосуществовали в диалоге, который был прерван в конце XVIII века. Разделение Логоса на Разум и Безумие М. Фуко обозначает как начало истории – необходимость Безумия связана с возможностью истории, ибо Разум всегда являлся историей фигур, но никогда не историей начала. Безумие – это Другое Разума, Другое самого Cogito, это «отсутствие произведения». До произведения Cogito является Безумием, поэтому он стремится весь Мир превратить в Произведение, в Текст, ибо Смысл, Норма Разума получает гарантии на существование только в том случае, если становится Произведением, если начинает царствовать как конечная мысль, как история, отрицающая возможность перемещения Разума и Безумия, отвергающая Логос их свободного обмена. В Археологии Молчания воссоздается юридическое пространство запрета, которое не могло стать таким, какое мы наблюдаем, без своего Другого – состояния Безумия. Разуму необходимо Безумие, чтобы определить себя, но в сам этот момент происходит выделение Разума в сферу Нормы. Поэтому написание Археологии Молчания возможно через следование Безумию в его особом молчании или по дороге его изгнания.

Молчание Безумия не может быть вне произведения: оно не просто не занятое место

в отношении к языку и смыслу, оно – основа их становления, основа-в-подавлении. Норма проговаривания определяет то, как Желание пишется, вписывается в тела и души людей, тем самым проявляя процесс движения властной стратегии от Имени к Имени – от одной складки к другой – «сворачивает» текст социальности до размеров одного Имени, но вновь разворачивает его, создавая новые складки, укрывая саму Власть покровом тайны. Язык Власти создает особый Дискурс, тем самым оформляет сам предмет обговариваемого, то есть в процессе комментирования признается «избыток означаемых над означающими, неизбежно несформулированный остаток мысли, который язык оставляет во тьме, остаток, оставляющий саму суть, выталкивающий наружу свой секрет» [Фуко М., 1998, с. 18]. Властное начало разумного языка, подавляющее другие дискурсивные практики, а вместе с этим и выражающееся на этих языках желания, возводит себя в ранг Нормы и Закона: Язык формирует «Истину» Желания.

Власть создает Норму Желания и налагает определенные ограничения на его осуществление, искусственно создает состояние нехватки: Желание оказывается повсюду, но не в реальности человеческой жизни, оно становится обобщенной симуляцией, призраком самого Желания. Как отмечает Ж. Бодрийяр, дискурсивные практики создают связь индивида с тем местом, создают само место, предлагая взамен принципа реальности симуляцию, отработанные копии, модели: «Труп, зверь, машина и манекен – таковы те негативные идеальные типы тела, те формы его фантастической редукции, которые вырабатываются и запечатлеваются в сменяющих друг друга системах» [Бодрийяр Ж., Символический обмен ... , 2000, с. 218].

Посредством дискурсивного участия Власть получает доступ к телу, формирует тела не просто как рабочую силу, но как модели значения, где фигурируют не просто сексуальные модели исполнения желаний, но сама сексуальность как модель. М. Фуко отмечает, что сексуальность является конструкцией, созданной Властью, а не природной данностью, конструкцией, сложившейся в результате услужливого и внимательного дискурса, который «должен следовать всем изгибам линии соединения души

и тела: под поверхностью грехов он выявляет непрерывные прожилки плоти» [Фуко М., 1996, с. 115]. Власть не уничтожает сексуальность, она ее производит как способ оформления плоти индивидов для своего эффективного функционирования в более прозрачном пространстве.

Желание должно поддаваться управлению, поэтому язык, на котором проговаривают Желание, формируется общей силой – Властью. Человек, его тело, его сексуальность, его болезнь, его поведение – это то, о чем следует говорить, говорить публично, постепенно направляя, включая в систему оптимального функционирования: «Секс – это не то, о чем судят, но то, чем руководят» [Фуко М., 1996, с. 120]. М. Фуко отмечает, что именно секс находится в сердцевине экономической и политической проблемы населения: для «обладающих Властью» действенным является управление не просто отдельными подданными или «народами», но населением, с его характерными проявлениями – рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, состоянием здоровья, заболеваниями, питанием, жилищными условиями и т. д. – всем тем, что, так или иначе, вращается вокруг секса [Фуко М., 1996, с. 121].

На уровне дискурсивных практик отслеживается связь индивида с тем местом, которое ему отвела Власть. Именно через дискурсивное участие Власть получает доступ к телу. М. Фуко отмечает, что сексуальность предстает как конструкция, созданная Властью, а не природная данность, конструкция, сложившаяся как результат услужливого и внимательного дискурса, который «должен следовать всем изгибам линии соединения души и тела: под поверхностью грехов он выявляет непрерывные прожилки плоти» [Фуко М., 1996, с. 115]. Власть не уничтожает сексуальность, она ее производит как способ оформления плоти индивидов для своего эффективного функционирования в более прозрачном пространстве.

Все пространство – общественное и интимное – пронизано властным взглядом. Создается прозрачная аналитическая реальность – человек, не видя смотрящего за ним, становится полностью видим – это принцип «Паноптикона» Бентама, который выявляет саму механику Власти: автоматизация Власти, лишение ее

индивидуальности основано «в определенном продуманном распределении тел, поверхностей, света и взглядов; в расстановке, внутренние механизмы которой производят отношения, вовлекающие индивидов» [Фуко М., 1999, с. 295].

Посредством использования техники знаков Власть экономично и эффективно распространяется по всему телу общества, кодифицирует все возможное поведение, а значит, уменьшает неопределенную область всех возможных поступков. Дисциплина тела возможна через построение анатомо-политики человеческого тела: политическая технология тела рождается на грани биологического и экономического. Дисциплина рассматривается М. Фуко как принцип контроля над производством дискурсов, ибо дискурс – это власть, которой стремятся завладеть. Создание аналитического пространства, в котором тело подробно изучается во всех состояниях, со всех сторон, задает само направления проявления тела. Это предполагает ту особую манеру захвата тела: если не тело, то душа, через которую Власть ставит тело, душу, индивидуальность и историю под знак – знак логики Вождения и Желания. Власть берет тело «в охапку», тело производящее, наказывающее, казнимое, обучающееся, желающее и вожделеющее...

Становится возможным обозначить место тела. Власть выводит на свет, делает видимыми подчиняемые тела, она выводит то, что необходимо ей для своего функционирования, создавая места насыщения – некие точки и метки в пространстве, на которые реагирует человек, его тело, ибо Власть подчиняет тело, действуя на «душу», ставит его на определенное место в огромной машине.

Контролируя действия, тщательно скрывая свое присутствие, Власть создает тайну, ибо она необходима для ее функционирования. М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» акцентирует внимание на изменении проявления Власти. Власть суверенна – это власть отдельного человека, который карает за преступление как за действие против Короны. Но право наказывать из мести суверена превращается в право защиты общества. Властная сила отдельного человека трансформируется в силу всех, силу, берущую основание в Законах, в Праве, в Норме и имеющая дело с человеком

как выражением общего типа, а не с конкретной личностью. Человек теряет свое Лицо, выбирая действие в рамках социальной роли, но это воспринимается им как результат собственного воления, ибо ему необходимо принадлежать миру, обрести точки опоры для того чтобы жить без проблемы собственной инаковости по отношению к Другим, которая предполагает ответственность за самого себя, и без ощущения собственной необязательности для Других. Человек признает, что он такой, каким его хочет видеть общество, он теряет Себя, свое Лицо, но это плата за тот социальный комфорт, который ему предоставляется.

Власть обретает анонимность. Можно сказать, что она является выражением мнения всего общества (тип которого она и создала), что она терпима к меньшинству (так как она нуждается в не-Нормы для определения себя самой) и является выражением толерантного отношения, повлиявшего на изменение в самой процедуре наказания, которое постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры. М. Фуко подробно рассматривает новую взаимосвязь между наказанием и телом, которая уже не такая, какой она была в век публичной казни, где пытка рассматривалась как церемония, в котором Власть показывала себя. Казнимое тело было призвано вывести на всеобщее обозрение истину преступления: «Допрашиваемое под пытками тело являлось и точкой приложения наказания, и местом вырывания истины» [Фуко М., 1999, с. 64]. Теперь точкой приложения становится «душа»: «Душа в ее исторической реальности, в отличие от души в представлении христианской теологии, не рождается греховной и требующей наказания, но порождается процедурами наказания, надзора и принуждения» [Фуко М., 1999, с. 45].

Смена точки приложения власти – наказывать – с тела на душу приводит к тому, что наказание, покидая область повседневного восприятия, входит в область абстрактного сознания, где представление об эффективности наказания связывается с идеей его неотвратимости, а не зрелищным воздействием. Тем самым М. Фуко делает вывод, что правосудие больше не берет на себя груз публичной ответственности за насилие, связанное с его исполнением.

Наказание перестает быть искусством причинения невыносимых страданий и переходит в форму экономии «приостановленных» прав, власть становится «гуманной». В связи с гуманизацией права в системе наказания и фигурирует не тело, но представление, не боль, но идея боли, что приводит к тому, что система надзора становится «бдительнее». Отбросив карательные анатомии XVII века, Власть вступила в эру нетелесных наказаний, но при этом, захват тела становится еще более тщательным, поскольку теперь душа становится точкой захвата, тюрьмой тела.

М. Фуко рассматривает Власть как производящую знание анатомию политического тела, «как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношения власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [Фуко М., 1999, с. 43]. Познание человека ведется во все моменты его жизни, захватывая тело и «душу», «механика власти» проникает в самые интимные переживания и потаенные уголки сознания, тщательно «обрабатывая» человеческое тело: разрушает его порядок и собирает заново.

Искусство владения человеком, его телом формирует механизм такого отношения, в котором тело становится «послушным» настолько, насколько является полезным, и наоборот. Политика принуждений выстраивается на уровне захвата самой механики – движений, жестов, положений тела и т. д., на том уровне, где принятие Власти происходит само собой, естественно. Никакими внешними принуждениями невозможно объяснить то, каким образом люди начинают воплощать тип дисциплинированного, «послушного» тела. Только тонкое манипулирование бессознательными стереотипами позволяет «воспитать» человека. М. Фуко отмечает, что в пространстве власти-наказывать использование именно семиотической техники вызвало смещение точки приложения – более не тело, а душа. Знаки Власти надписываются в сознании, подчиняют тело через контроль над мыслями. Тем самым становится возможной дисциплина, формирование тела как «послушного». М. Фуко отмечает, что открытие тела как объекта и мишени произошло в классический XVIII век.

Это выразилось в масштабе контроля: тело рассматривалось не в массе, а прорабатывалось в деталях, что и дало возможность такого тонкого принуждения – принуждения на уровне телесной механики. Политическое завоевание тела развивается как «микрофизика» власти, рассматривающая дисциплину в качестве политической анатомии, поэтому Власть формирует некоторую индивидуальность, для которой характерным является то, что «она клеточная (в игре пространственного распределения), органическая (кодирование деятельности), генетическая (суммирование времени) и комбинированная (сложение сил)» [Фуко М., 1999, с. 244].

Власть создает «послушное» тело, определенным образом распределенное через кодирование пространства, через корреляцию тела и жеста и т. д. Тем самым оформляется полезное пространство, в котором тело предстает как тело-оружие, тело-инструмент, тело-машина, создается дисциплина как искусство распределения тел, извлечения из них энергии и времени, и, самое главное, как искусство наиболее эффективного сложения сил в процессе экономического использования, так как тело захватывается отношениями Власти в первую очередь как производительная сила.

Индивид включен в отношения Власти таким образом, что состояние «Норма» воспринимается как «Благо». Норма быть «послушным» – «послушным» Суверену, Закону, Обществу и т. д. превращается в Норму «защищать», но и в Норму «наказывать». Право защиты общества – это право всех – проявляется как обязательная Норма не только в век «гуманного» Права, но и в век функционирования Власти как церемониала Казни. Главным персонажем процесса публичной казни, по М. Фуко, является народ: именно его непосредственное присутствие является условием ее проведения, так как люди должны знать, а значит – видеть собственными глазами: свидетельствуя и наблюдая казнь, они гарантируют ее свершение и сам участвует в казни. Месть монарха должна включать в себя и месть народа – только тогда Власть воспроизводит Норму, задает такое отношение, когда не-Норма становится репрессированной самими людьми. Народ призван оказывать содействие королю в воплощении мести его врагам – тогда

он становится причастным к самой Власти. Народ становится телом Власти, телом ее исполнения и проявления в жизни: подчиненные люди становятся носителями властных полномочий, они принимают властные отношения за нечто глубоко им причастное, за что они несут ответственность.

После отмены публичных казней Власть подчиняет тело, действуя на «душу», ставит его на определенное место огромной машины, поэтому наказание становится тайной, главное, на что оно направлено – это сознание с его способностью представлять, с воображением, которое рисует картины самого ужасного для человека – картины небытия, того состояния, которое не связано с Нормой говорения и проживания. Но о Норме можно говорить только по отношению к ее Другому – к не-Норме. В сознании человека Норма и не-Норма предстают как функционирующие неразрывно друг от друга: Норма прописывает все возможные состояния этого мира, не-Норма действует через отрицание самой жизни, внушая ужас перед неизвестностью. Норма и не-Норма – это то, что обозначается Властью, она включает в себя обе стороны, она задает эту противоположность для своего функционирования.

Власть является тоталитарной и толерантной одновременно. Великая задача Ж. Руссо: «Найти форму устройства, в которой каждый, соединяясь с другими, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы столь же свободным, как и прежде» [Новгородцев П. И., 2000, с. 28] – становится отправной точкой в создании величайшей Иллюзии нашего времени – «воспитании» человека как свободного существа, живущего в столь же свободном обществе, в котором индивид делает то, что хочет, но возникает вопрос – хочет ли он того, что не требуется? Человек стремится быть обнаруженным, спрятаться от бездны в собственной душе, сбегать от Себя, от Ничто, обрести комфортное существование, где все ясно, понятно, распланировано и подчинено стратегиям Власти, где анатомия – это судьба, которая задает социальные роли и позиции. Делая видимыми подчиняемые тела, Власть выводит то, что необходимо ей для своего функционирования – создает места насыщения – точки и метки в пространстве, на ко-

торые реагирует человек, его тело и сознание. Власть стремится весь мир превратить в свое Произведение, в Текст, в конечную мысль, как историю, в которой только и может произойти загадочное «похищение» тела, души человека – его плоти. Это начало и смысл изначального властного контроля Буквы над Дыханием – Власти над Жизнью.

Пространство Власти – это всегда пространство ускользающей тайны, она изменчива и всегда функционирует через иррациональное, на «разломе» сознания человека, живущего в Мире не только Повседневности, но Реальности иллюзорного Желания, Нормы, заданной самой Властью. Быть нормальным, то есть осуществлять «свои» желания, – это значит быть включенным в историю, говорить на языке определенного Разума, который задает, что нормально Желать, как нормально достигать Желаемого и то, что не-нормально Желать Запретного. Истина Желания не принадлежит самому человеку, он не может говорить на языке своего Желания, ибо общество не может позволить существование множество языков (языка каждого конкретного человека), оно не готово допустить существования других сторон Смысла, Пола, Власти. Жизнь – это предел Власти: единственное, что не подлежит комментарию, – это жизнь тела, живая плоть, взгляд и Лицо которой не могут быть в мире, поскольку открывают и превосходят мир, – поэтому Жизнь отмечает предел всякой Власти. Манипуляция видимостями, общая симуляция позволяет Власти избежать противостояния с Ничто, создать историю, произведение господства и развития Идей Разума в логике схемы «Древний мир – Средневековье – Новое время», выйти из которого – это стать «письмом, ставшим плотью, театральным иероглифом убить двойника, стереть апокрифическое письмо, которое, крадя у меня бытие как жизнь, держало меня вдалеке от скрытой силы» [Деррида Ж., 2000, с. 308]. Присутствие, Дыхание Жизни, единство Разума и Безумия – все это, соединяясь в Лице человека, выводит его из произведения истории, в которой все лица, лица множества культур, предстают как лица Власти и где поэтому сама Власть – без Лица.

Измерения Идеального – то, что околдовывает. «Идеальное» в дискурсивных практи-

ках представлено как недостающее измерение, которое соблазняет, наполняя социальность моделями, работающими в ситуации нехватки – Желание никогда не может быть удовлетворено. Действуя как зеркало «наших» желаний, социальность всегда предлагает новое, «чего раньше не было», заботясь о нашем благосостоянии и потребностях, но, одновременно, создавая эти потребности. Ж. Бодрийяр, осмысляя фразу «Я буду вашим зеркалом», интерпретирует ее как «Я буду для вас приманкой» [Бодрийяр Ж., Соблазн, 2000], не отражением, но прикрытой пустотой, ибо соблазн, детерминируя сферу повседневной реальности, имеет отношение к строю искусственности, знака и ритуала, создавая реальность социальных практик и семиотических технологий.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Издательство Ad Marginem, 2000. – 306 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. Ч. 1. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.
5. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический проспект, 2000. – 432 с.
6. Зекрист Р.И. Концепция власти Мишеля Фуко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2012. – Т. 103. – № 2. – С. 40–46.
7. Ильин А.Н. Власть и знание: проблема взаимоотношения // Вестник ВГУ. – 2011. – № 1. – С. 22–36.
8. Меньшиков В.В. Проблема власти в «Политической анатомии» М. Фуко // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – № 3–4. – С. 124–131.
9. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – СПб.: «Лань», Санкт-Петербургский Университет МВД России, 2000. – 352 с.
10. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. – М.: Институт философии РАН, АО «КАМБ», «АКАДЕМИА», 1995. – 160 с.
11. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., Касталь, 1996. – 448 с.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.
13. Фуко М. Рождение клиники. – М.: «Смысл», 1998. – 310 с.
14. Хомяков М.Б. Проблема толерантности в христианской философии. – Ек.: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – 296 с.

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poe'tika. – М.: Progress, Univers, 1994. – 616 s.
2. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. – М.: Dobrosvet, 2000. – 387 s.
3. Bodriyyar Zh. Soblazn. – М.: Izdatel'stvo Ad Marginem, 2000. – 306 s.

4. Vitgenshtejn L. Filozofskie raboty: v 2 ch. Ch. 1. – M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. – 612 s.
5. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. – M.: Akdemicheskij prospekt, 2000. – 432 s.
6. Zekrist R.I. Konceptiya vlasti Mishelya Fuko // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki. – 2012. – T. 103. – № 2. – S. 40–46.
7. Il'in A.N. Vlast' i znanie: problema vzaimootnosheniya // Vestnik VGU. – 2011. – № 1. – S. 22–36.
8. Men'shikov V.V. Problema vlasti v «Politicheskoy anatomii» M. Fuko // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – 2004. – № 3–4. – S. 124–131.
9. Novgorodcev P.I. Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. – SPb.: «Lan'», Sankt-Peterburgskij Universitet MVD Rossii, 2000. – 352 s.
10. Rikyor P. Germenevtika. E'tika. Politika. Moskovskie lektsii i interv'yuu. – M.: Institut filosofii RAN, AO «KAMI», «AKADEMIA», 1995. – 160 s.
11. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. – M., Kastal', 1996. – 448 s.
12. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. – M.: «Ad Marginem», 1999. – 480 s.
13. Fuko M. Rozhdenie kliniki. – M.: «Smysl», 1998. – 310 s.
14. Xomyakov M.B. Problema tolerantnosti v khristianskoj filosofii. – Ek.: Izd-vo Ural. Un-ta, 2000. – 296 s.

UDC 316.6

SOCIO-SEMIOTICS OF M. FOUCAULT: PHENOMENAL HORIZON OF DESIGNING OF DISCURSIVE SPACE OF SOCIAL-POLITICAL SPHERE

Shutaleva Anna Vladimirovna,

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Theory and History of Political Science,
Institute of Social and Political Sciences,
The Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

Annotation

This article is devoted to the analysis of the social-semiotic theory of Michel Foucault which allows to clear the phenomenal horizon in social-political space. The social semiotics is considered as the grammar of separate sign system describing area of the concrete communicative phenomenon operated by system of values.

In the M. Foucault concept of the power, using semiotics technicians, marking space, creates the disciplined body, the disciplined person, the disciplined consciousness. Means of coercion reveal whom they influence, but show also a place of the Power. Thus the Power, functioning as the draft mechanism, attracts and takes both norm, and deviations which continued watches. Certain ways of speaking, pronunciation, the certain designs of signs and symbols which are making out social space reveal space of manifestation of the Power.

By means of use of the equipment of signs penetrating all social space, the Power economically and effectively extends on all body of society, codifies all possible behavior, so, reduces uncertain area of all possible acts. All human gestures and actions can be interpreted as semantic units which perhaps rationally explain and systematize.

Key words:

social-semiotics, power, political space, means of mass communications, language game, technology, strategy of the power.